

Алина ВИТУХНОВСКАЯ

Колыбельная

Цель оправдывает средства.
Смерть оправдывает детство.
Бытие дает Ничто.
Чёрт играет в «Спортлото».

А субъект на всё взирает.
Ничего он не прощает.

За слезиночку ребёнка,
За шерстиночку котёнка,
За сансарную тюрьму
Нет прощенья никому.

Химеры

Сжимает плоть в руке мозолистой
Архетипический не-бог.
Избавить от химеры совести,
Тебя никто, мой друг, не мог.

Но весь в махеровом-химеровом
Шарфе как будто бы в петле,
Ты так болтаешься уверенно
И в русской тьме, и в русской мгле,

Что здесь наверное, став скверною,
Ни от химер, ни от оков,
Терпенья вечного империю
Освободить он не готов.

Белый шум

Ничто не могущий зачать
Безумный графоман

Алина Витухновская родилась в 1973 году в Москве. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Дети Ра», «Новая Юность», «Дружба народов» и др. Автор пятнадцати книг стихов и прозы. Лауреат премии «Нонконформизм-2010» и др. Живет в Москве.

Все шепчет – «Не могу молчать!»
И плещет яд в стакан.

Пока ты панцирем не врос
В землю, в гроба твердь,
Ты возвеличивать невроз
Всегда спешишь успеть.

Ты полагаешься на чувств
Избыточный предел
Об этих русских Заратустр
Ты, обтесав, посмел

Стать их идейным королем,
Их нищепанской тьмой,
Их патетическим нулем,
Их жаждой вековой.

Ты, впаянный в родную речь
Магический узор
Не смог ни выткать, ни разжечь,
Вам здешний Мальдорор.

Не памятник нерукотво
И не властитель дум,
Ты ткёшь ничто из ничего,
Сползая в белый шум.

Аум

Мавромати – Христос в формате.
Хочешь пей его, хочешь ешь.
Все на чем-то распяты.
Брошь похожа на брешь.

Пыль – на петлю на шее,
Терпение – на тщету,
Христос похож на кошея,
Тревожащего пустоту.

Воздух пахнет заринном.
Дети кричат: «Аум!»
В Токио смерть незримо
Играет в людей, как в DOOM...

Трансформации

В детстве
Я была
Больше
Мира.
Потом –
Стала меньше –
Почти микроб.
Потом ещё меньше –
Почти человек.
И только в конце,
Потом
Я
Стала больше Небытия.

Непрощенье

Я себя как растение из мести рашу,
Чтоб сразить всё, что я никогда не прошу,
Ведь от смерти моей до рождения
Ничему невозможно прощенье.

А вокруг так просчитаны все простецы –
Наши матери это и наши отцы,
Оправдатели зла и мученья,
Что в расчёте живут на прощенье.

Как старуха процентов живёт на процент,
Как на химии раковый жив пациент,
Там где жизнь лишь имеет значенье,
Отменяя субъекта. И кто не субъект –
Тот за вечное пьёт возвращенье.
Но и он не получит прощенья.

В этом русском кровавом кошмарном снегу,
В этом жутком сансарном бытийном кругу
Для того лишь себя я тогда сберегу,
Чтоб сбежать от в других превращения.
И себе я желаю того, что врагу –
Никакого мне тоже прощенья.

Ведь оно есть смиренье пред волею зла,
Как на шее моей совпадение узла
И шарфа, и руки оказалось удавкой,
Как в том мире, описанном Кафкой,
Ты проснешься однажды тем Йозефом К.,

Пустотою, занозой, куском паука,
По стене что посмертно размазан.
Да вот так ты и будешь наказан.

Потому что объедок, объект, не субъект.
Потому, кто полюбит тебя, и убьёт
Разложиться на плесень и липовый мед –
Это в сущности цель человечья.
Вас, идущих той цели навстречу
Никогда не приму, не пойму, не прошу.
Я свою бестелесность оставляю плащу
И в кровавом исчезну тумане
Без обманов, прощений, прощаний.

Это вой отрицаний, где волею шук
Гольшом вам станцует шелкунчик из мук
Состоящий ореховый танец.
Бытия здесь проснется повстанец,
Чтоб не вторить отныне творенью,
Где ничто не достойно прощенья.

Камень

Кто первый бросит в меня камень,
Увидит тот, что сам я – камень.
Кто – мою рукопись в камин,
Увидит – сам я тот камин.